

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 338.49(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2022-100-3-9-17

Инновационные публично-правовые режимы в стратегическом развитии российского Дальнего Востока: мера должного в глубинных логистических и парадигмальных подходах

Михаил Владимирович Дегтярев

Правительство Хабаровского края, Хабаровск, Россия

mvdegyarev@adm.khv.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам глубинных логистических и парадигмальных подходов в планировании, программировании и предиктивном проектировании мер и сценариев развития российского Дальнего Востока. Автор обращается к тематике регуляторного эксперимента и итеративно-адаптируемого регулирования. В статье приведены авторские дефиниции понятий «регуляторный эксперимент» и «итеративно-адаптируемое регулирование». Автор актуализирует определенную объективную затруднительность создать идеальный регуляторный инструментарий (на длительный проекционный период функционирования), что и детерминирует необходимость обращения к регуляторным экспериментальным подходам и технологиям. Законодатель, спроектировавший хороший (по его мнению) регуляторный инструментарий, принимается его тестировать в реальных условиях, а не на бумаге или в голове (мысленно), или в компьютере. По мнению автора, новейшие парадигмальные и инструментально-технологические подходы, связанные с тестированиями, экспериментальными «обкатками», с итеративно-адаптируемым подходом в основе обращения с регуляторными ландшафтами, с регуляторными пространствами, позволяют максимально щадяще трансформировать их в нужных направлениях. Эти подходы позволяют восполнять пробелы и устранять иные дефекты. Однако выявленная определенная робость перед экспериментированием в сфере права таким образом коренится в недостатках юридического образования. Также это вызвано тем, что технологии и инструментарии регуляторного эксперимента и итеративно-адаптируемого регулирования, выстроенные на них инновационные публично-правовые режимы не находят конкретизирующих объяснений в специальной литературе, знания о них не обобщаются и не передаются должным образом. При производстве исследования были в качестве основных задействованы классические общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, классификации и моделирования, а также частнонаучные правоведческие методы формального, телеологического (целевого) и конкретно-исторического толкования права. В качестве эмпирической и иной источниковой основы исследования взяты законодательство и опыт правоприменительной практики России и нескольких десятков зарубежных государств. Результат, отраженный в статье, достраивает авторскую научную теорию, отображенную в его научных монографиях, адаптирует эту теорию к российской действительности.

Ключевые слова: инновационные публично-правовые режимы, нетипичные регуляторные технологии, публичное право, публично-правовые науки

Для цитирования: Дегтярев М. В. Инновационные публично-правовые режимы в стратегическом развитии российского Дальнего Востока: мера должного в глубинных логистических и парадигмальных подходах // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 9–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-9-17>

Innovative public-legal regimes in the strategic development of the Russian Far East: the proper measure in deep logistic and paradigm approaches

Mikhail V. Degtyarev

The Government of the Khabarovsk territory, Khabarovsk, Russia
mvdegtyarev@adm.khv.ru

Abstract. *The article is devoted to the issues of deep logistical and paradigm approaches in planning, programming and predictive design of measures and scenarios for development of the Russian Far East. The author addresses the subject of regulatory experiment and iteratively adaptable regulation. The article presents the author's definitions of the concepts of «regulatory experiment» and «iteratively adaptable regulation». The author articulates a certain objective difficulty in creating an ideal regulatory toolkit (for a long design period of operation), which determines the need to turn to regulatory experimental approaches and technologies. The legislator, who has designed a good (in his opinion) regulatory toolkit, begins to test it in real conditions, and not on paper, or in the head (mentally) or in a computer. According to the author, the latest paradigmatic and instrumental-technological approaches associated with testing, experimental “running in”, with an iteratively adaptable approach based on handling regulatory landscapes, with regulatory spaces, allow them be transformed in the most gentle way in the right directions. These approaches make it possible to fill in gaps and eliminate other defects. However, the identified certain timidity before experimenting in the field of law, therefore, is rooted in the shortcomings of legal education. This is also due to the fact that the technologies and tools of the regulatory experiment and iteratively adaptable regulation, the innovative public law regimes built on them, do not find concretizing explanations in the specialized literature, knowledge about them is not generalized and transferred properly. During preparing the study, classical general scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction, classification and modeling, as well as scientific legal methods of formal, teleological (target) and specific historical interpretation of law were used as the main ones. The legislation and experience of law enforcement practice in Russia and several dozen foreign countries are taken as an empirical and other source basis for the study. The result reflected in the article completes the author's scientific theory, reflected in his scientific monographs, adapts this theory to Russian reality.*

Keywords: *innovative public law regimes, atypical regulatory technologies, public law, public law, public law sciences*

For citation: Degtyarev M. V. Innovative public-legal regimes in the strategic development of the Russian Far East: the proper measure in deep logistic and paradigm approaches // Power and Administration in the East of Russia. 2022. No. 3 (100). Pp. 9–17. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-9-17>

Введение

Поиски наилучших в отборе подходов и инструментариев стратегического на сколько-нибудь существенную перспективу развития российского Дальнего Вос-

тока неминуемо приводит к пониманию, что специфика региона отрицает возможности бездумного и механистического переноса (в немалом числе случаев) на его почву тех публично-управленческих

и регуляторных механизмов, которые уже известны и зарекомендовали себя в европейской части страны (впрочем, не отрицая и возможности этого в ряде случаев), что нужны более сложные подходы. И речь идёт прежде всего о применении итеративно-адаптируемых подходов, регуляторных экспериментов (тестирований) проектируемых регуляторных и программных финансово-экономических инструментариев, прочих интеллектуализированных подходов и решений.

В настоящей статье покажем не то, что конкретно надо делать, а то, как в принципе надо делать. Такой подход вполне научно релевантен.

Массированный и многовековой опыт применения экспериментальных регуляторных технологий и инструментариев в нашей стране и за рубежом (всё это вполне обобщаемо, фиксируемо и познаваемо, этому посвящено множество наших публикаций), активное практикование таковых ныне в России – всё это убедительно показывает высокое значение, весомость научного интереса к такого рода вопросам. Но, увы, не должную раскрытость (и даже понятность) всех этих вопросов в отечественной научной литературе и на местах – в кабинетах чиновников.

Почему регуляторный эксперимент, что в нём такого?

Томас Коуэн писал, что управление государством – это работа юриста [Cowan, 1954. С. 520], ибо, как писал Г. В. Мальцев: «... управлять сферой общественных отношений невозможно, не регулируя их» [Мальцев, 2011. С. 29].

Но регулирование по принципу – «сделал и забыл, оно само работает, и так надолго» – уже работает в немалом числе сфер общественных отношений плохо, со сбоями, что называется – «со скрипом». А потому всё чаще и интенсивнее применяются регуляторные тестирования, эксперименты. Суть их в том, что мы понимаем определенную затруднительность создать идеальный регуляторный инструментарий, и потому мы, спроектировав хороший, на наш взгляд, регуляторный инструментарий, принимаем его тестировать в реальных условиях, а не на бумаге или в голове (мысленно), или в компьютере. Мы смотрим, как

это решение будет реально работать на практике – в полностью реальных условиях (что называется, не на белых медицинских мышках, а на людях, на людских коллективах, поселениях).

Эксперимент на то и эксперимент, чтобы мы его делали в ограниченной модальности – по ограниченной территории (группе территорий), ограниченному кругу лиц и ограниченно по времени.

Согласно нашему авторскому концепту, *регуляторный эксперимент* – это прикладная технология активного норморайтерско-проектировочного и нормотворчески-производственного оперирования нормативных предписаний и нормативных актов, отвечающая следующим существенным признакам: 1) детерминированность и обоснованность индуцирования идеи о проведении регуляторного эксперимента столкновением законодателя с особыми и выраженными трудностями в решении законодательных задач обычными путями и его вынужденность обращаться к инструментам «тонкой настройки»; 2) аттрактивная основанность на проверке гипотезы (гипотез), то есть в основе разработки экспериментальной разработки экспериментального нормативного акта и запуска связанного с ним экспериментального норморайтерско-проектировочного и нормотворчески-производственного процесса должна быть заложена ключевая регуляторная гипотеза, на тестирование которой и направлен («заточен») принимаемый в экспериментальном режиме нормативный акт; 3) телеологически-внешний характер действия регуляторного эксперимента; действия повлекут последствия, перспективно выходящие далеко за пределы текущих действий нормоустанавливающего органа (актора регуляторного эксперимента) и предиктивно обозреваемого им будущего; 4) исходная фиксация конечного (как правило, относительно непродолжительного по времени) срока действия, принимаемого в экспериментальном порядке и режиме нормативно-правового или иного нормативного акта; 5) фреймированность (ограниченность динамическими рамками) предметно-объектной обла-

сти регуляторного действия, принимаемого в экспериментальном порядке и режиме нормативного акта с чётко фиксируемыми ограничениями по территории действия, и/или кругу лиц и/или кругу отношений, с чёткой фиксацией исключений, освобождений, автономизаций, привилегий; б) исходная фиксация обязанности проведения исследований (экспертиз) и оценок реально воплощаемых на практике векторов, градиентов, модальностей и размерностей регуляторного воздействия, регуляторных результативности, валидности и эффективности (регуляторного эффекта) принимаемого в экспериментальном порядке и режиме нормативного акта (это, помимо прочего, детерминирует существенное различие экспериментального нормативного акта и просто рассчитанного на временное действие нормативного акта); прежде всего подвергается проверке, были ли достигнуты поставленная в гипотезе цель и связанный с нею искомый результат, а при отсутствии искомого результата – причины его недостижения и/или сбоев; при этом речь идёт о применении инструментов строгой и весомой научной и прикладной аналитической методологии, а не просто о субъективных суждениях или оценках; 7) исходная фиксация условия конвертации нормативного акта из модальности «экспериментальный» в модальность «обычный, постоянного действия» нормативный акт или формулирования и предписания продолжения скорректированного эксперимента (для отложения принятия этого решения о конвертации, опять же на чётко и обоснованно отфиксированный срок) при достигнутой должной сопрягаемости полученных результатов (вышеуказанной) оценки с доверительным интервалом экспертно-приемлемых результатов [Дегтярев, 2022. С. 204–205].

Итеративно-адаптируемое нормативное регулирование (опять же согласно нашему авторскому концепту) представляет собой сочетанно реактивный (в логике текущего содержания) и проактивный (в логике будущего), операционабельный и масштабируемый регуляторный подход, предусматривающий

(в отличие от подхода «отрегулировать и забыть на долгое время») дискретный и циклично-структурированный (по чередованию проектировочно-закладываемых, либо фактически вынужденных этапов) процесс нормо-проектирования, принятия комплексов правовых норм и/или нормативно-правовых актов, тестирования и/или оценивания и корригирования регуляторных решений (воплощаемых в таких комплексах и/или отдельных актах) с итеративным (повторно-циклическим раз за разом) возвращением к таким действиям, исходя из оперативно производимых итеративно-повторяющихся «замеров» (тестирований) целеполагания и целедостижения в регулировании (регуляторной действительности, эффективности и адекватности) и выявленных изменений в «точках» динамически настраиваемой обратной связи, с каждым раундом приближая оперируемый нормативный объект к искомому приемлемому результату [Дегтярев, 2022. С. 65–66].

Такие парадигмальные и инструментально-технологические подходы, связанные с тестированиями, экспериментальными «обкатками», с итеративно-адаптируемым подходом в основе обращения с регуляторными ландшафтами, находящие всё больше и больше сегодня сторонников среди правоведов и практиков-юристов, как и среди госуправленцев, кристаллизовались и были репрезентированы уже достаточно давно.

Известный немецкий философ права Роберт Бартш писал более ста лет назад, что «... мы пребываем в потоке движения, стремящегося покончить со схоластическим характером правовой науки создать новую юриспруденцию, покоящуюся на экспериментальной основе» [Bartsch, 1912/1913: 117–129]. Как писал примерно тогда же М. Я. Лазерсон, «... в юриспруденции не хотят больше видеть одну только догматическую технику и искусство толкования. Наступает кризис позитивной философии права, на неё начинают нападать те, которые до сих пор менее всего критиковали, довольствуясь старыми проторенными методами, а именно практики: судебные деятели, адвокаты, а также юристы-

академики [члены академических обществ, то есть учёные-правоведы, – прим. М. В. Дегтярева]. Вот почему этот кризис особенно знаменателен и никем больше не оспаривается, практические задачи свободно-правового движения или так называемого юридического модернизма сочетаются с познавательными-теоретическими требованиями, предъявляемыми науке права... Это движение само себя часто называет «эмпирико-психологическим»... Исследование правосознания путём наблюдения и эксперимента в той форме, как оно уже осуществляется, частью только предлагается, может принести большую, подчас неоценимую пользу для юридической практики, особенно для законодательной политики» [Лазерсонъ, 1913. С. 869–870, 873].

По Вито Маринезе, искусство и наука создания законов предлагают решения для улучшения качества законов. Однако качество вещи можно постигнуть только из той роли или функции, которую мы ей приписываем априори. Таким образом, заявление об улучшении качества законов предполагает прежде всего ответ на вопрос: а чего именно мы ожидаем от наших законов? В этом отношении многочисленные функции, закрепленные за законодательным актом, явно сходятся на обеспечении и защите прав и свобод. Правовая традиция помещает закон в центр нормативной системы; это называется легицентризмом. Помещенный в центр системы закон призван гарантировать права и свободы. Он представляет собой связующее звено между Конституцией и правилами применения. Он выступает как мост между идеалом и реальностью. Поэтому его основная функция состоит в том, чтобы придать конкретную форму правам и свободам, наполнить их содержанием, обеспечить их гарантиями, дать им доступ к реальности. При таком рассмотрении качество закона должно оцениваться с учетом этой предопределенной цели, которая делает закон «приводным ремнем» прав и свобод, имеющих конституционное значение. Качественный закон будет направлен

на лучшую защиту прав и свобод, т. е. на усиление их эффективности. Предлагая решения по улучшению качества законов, юридическая наука призвана играть роль с точки зрения эффективности. Законодательство поддерживает привилегированные, но не исключительные отношения с законом. Поскольку эта дисциплина стремится определить контуры «хорошего закона», она граничит с философским упражнением, даже утопическим. Легистика относится к нормативному идеалу: она определяет, что должно быть, то есть меру должного [Marinese, 2012: 89–117; 89–90]. Вот поэтому и ограничены наши познавательные и проектировочно-оценочные (в предиктивном ключе) возможности – понять, насколько данный конкретный проектируемый закон *будет* (не выдавая желаемое за действительное, а на самом деле) в действительности хорошим, надлежащим, эффективным, ожидаемо достигающим целей и решающим задачи.

По Мартине Халасковой, Ренате Халасковой и Виктору Прокопу, эффективность государственного регулирования и в целом государственного управления не может быть оценена посредством какого-то одного (пусть даже комплексного) показателя, необходимы целые линейки (даже и комплексных) показателей [Halaskova, Halaskova, Prokop, 2018: 14]. Именно поэтому, согласно Мирлинде Баталли, оценка качества регулирования (и публичного управления посредством регуляторных инструментариев) есть объективно сложный и комплексный процесс, требующий учёта как непосредственных, так и косвенных последствий, как сиюминутных и «уже завтрашних» последствий, так и существенно отложенных последствий [Batalli, 2015: 176]. А это сделать без регуляторного экспериментального тестирования зачастую просто невозможно, особенно когда мы говорим о новейших и наукоёмких [Понкин, 2022; Цифровое право, 2020] технологических отраслях, сферах.

Сегодня в нашей стране активно издаются разнообразные акты и документы на счёт оценки регуляторной эффек-

тивности тех или иных мер на том или ином уровне¹, но всё это пока в старой парадигме, без учёта всего того, о чём мы говорим.

В немалой степени это обусловлено определенной косностью в профессиональной подготовке юристов в нашей стране и проблемами юридической науки. Причём сказанное имеет давние корни.

Роберт Бартш писал (считаем резонным привести эту длинную цитату): «Четыреста или пятьсот лет назад академическая деятельность различных факультетов везде была почти одинаковой. В медицинских и исторических кабинетах работа ничем не отличалась от богословских или юридических. Читали тексты, исходившие от авторитета, и сначала объясняли их только логически, позже также исторически, критически, но преимущественно – логически. Задачей науки было нахождение параллельных переходов, разрешение противоречий, доказательств и объяснений, но не совсем то, что мы сегодня называем исследованием. Методологических различий ни в литературной, ни в дидактической деятельности не было. Точно так же, как теолог работал над посланиями Апостолов и преподавал их, а юрист – *corpus iuris*, врач работал с Аристотелем и Галеном, историк – с Ливием и Тацитом. Сегодня всё стало совсем другим. Науки, изучаемые на медицинских и философских факультетах, приняли совершенно новый метод. Вместо объяснения текстов, по существу концептуальной и логической деятельности, [активное] «исследование» заняло место установления и обобщения фактов. С другой

стороны, юриспруденция, как и догматическое богословие, по существу осталась со старым методом, технику которого она развила самым тонким образом. Конечно, было бы неправильно отрицать, что юриспруденция также не достигла прогресса. Тексты древности были заменены современными сводами законов, поэтому было устранено много исторического, антикварного и филологического балласта. Занимаясь юридической работой, нам уже не приходится искусственно помещать себя в исчезнувший культурный мир средствами исторических вспомогательных наук, одно это обстоятельство сделало невозможным бесчисленное произвольничание и приблизило нас к жизни. Но дух, по сути, остался прежним. Мы, юристы, так и остались читателями текстов и объяснителями текстов. Есть естествоиспытатели, историки и лингвисты, но нет правоведов. Что наиболее поразительно, так это то, что в истории права юриспруденция соприкоснулась с исторической наукой и переняла ее исследовательский метод работы, причем это оплодотворение не коснулось и догматических предметов юриспруденции; смог продлить. Так и получается, что историк права сегодня – это ученый, работающий вполне по-современному, исследователь, а преподаватель современного права – по-старомодному. Преобладание логики и, следовательно, схоластической техники в юриспруденции можно объяснить тем, что юрист обычно формулировал юридические положения как объект научного исследования, т.е. рассматривает волю законодательного органа, вы-

¹ См., например: Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 (в действ. ред.) «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов»; Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ»; Постановление Правительства РФ от 12.10.2017 № 1242 (в действ. ред.) «О разработке, реализации и об оценке эффективности отдельных государственных программ РФ» (вместе с «Правилами разработки, реализации и оценки эффективности отдельных государственных программ РФ»); Постановление Правительства РФ от 19.04.2018 № 472 (в действ. ред.) «Об осуществлении мер по реализации государственной политики в сфере оценки эффективности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 23.09.2019 № 1240 (в действ. ред.) «Об утверждении методики оценки эффективности и мониторинга показателей эффективности территорий опережающего социально-экономического развития, за исключением территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

раженную средствами языка. Таким образом, для юриспруденции слово встало между исследователем и делом. Научная трактовка схватывает не вещь, право, а закон, слово. Здесь мы снова имеем дело с серьезной ошибкой... Слово есть обозначение, за словом стоит понятие. Всякая наука, которая начинается с объяснения слов, заканчивается рассмотрением понятий реального, того, что действительно есть или действительно существует. Юриспруденция и сегодня делает этот вывод из доктрины Сократа. Правовая норма более или менее случайна и изменчива, понятие – постоянно, неизменно. Оно по существу логично, абстрактно, оно выделяет противоречивое в себе. За нормой о приобретении имущества стоит понятие собственности. Задача науки состоит в том, чтобы схватить это понятие как можно более чисто и обобщенно (т. е. совершенно абстрактно), явления, противоречащие этому понятию, трактуются как чуждые понятию. Таким образом, долевая собственность должна была исчезнуть, поскольку противоречащее понятию собственности, реально существующее явление, объявляется несуществующим. Реальный мир фактов должен быть подчинен миру идей, понятий. Наша юриспруденция платонична еще и в том, что она тем выше ценит понятие, чем оно более общее и тем беднее по содержанию... Мы учим тому же закону. Наибольшее значение мы придаем юридическим знаниям и в этом контексте формированию понятий. Для нас отличный судья – это тот, кто обладает обширными юридическими знаниями. Мы почти совсем забываем спросить, справедливо ли он мыслит и обладает ли живым чувством справедливости. Есть немало юристов, считающих живое правосознание злом, потому что оно больше мешает хладнокровной логической работе, «арифметике с понятиями», чем способствует ей» [Bartsch, 1912/1913: 117–119].

Определенная робость перед экспериментированием в сфере права таким образом коренится в недостатках юридического образования и в том, что технологии и инструментарию регуляторного эксперимента и итеративно-адаптируемого регулирования, выстроенные на них инновационные публично-правовые ре-

жимы не находят конкретизирующих объяснений в специальной литературе, знания о них не обобщаются и не передаются должным образом.

Вместо заключения

Сегодня актуализируются инновационные, в том числе экспериментальные способы оценивания эффективности и иных качеств государственного управления. И особенно это релевантно именно для российского Дальнего Востока [Дегтярев, 2021. С. 8–15].

Говоря об экспериментальных режимах, мы понимаем их сообразно приведенному выше нашему определению. А вот говоря об инновационных правовых режимах, стоит уточнить, что *правовую инновацию* мы определяем в нашей теории как отвечающую следующим требованиям: 1) необходимо и достаточно приемлемого уровня нормопроектировочной проработанности и релевантности, 2) полезности, 3) необходимо и достаточно приемлемого уровня новизны, 4) **реализуемости**, 5) согласованного или опережающего отражения и конструирования социальной реальности и социального порядка.

Значимость задействования инновационных правовых режимов именно для Дальнего Востока России определяется: 1) географической и природно-климатической спецификой этих территорий (выраженная сезонность экономики и транспортных коммуникаций, высокий процент вечной мерзлоты в общем объеме пространств, суровость климата); 2) особой военно-геополитической «тревожностью» и «хрупкостью» с соответствующими рисками (в контексте посягательств Японии и некоторых других государств); 3) демографической спецификой: малая заселенность людьми, невысокая плотность населения с аттрактивной привязкой к крупным городам; 4) ориентированностью экономики на добывающую промышленность, лесопереработку, рыбную промышленность, ряд других акцентов; 5) аттрактивной привязкой к океану.

В этой статье мы обратили внимание на ряд значимых для планирования и программирования стратегического развития Дальнего Востока России моментов, приглашая к соответствующей научной дискуссии.

Список источников:

1. Дегтярев М. В. Будущее права. Инновационные публично-правовые режимы и новейшие (нетипичные) регуляторные технологии: Библиографический указатель / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Буки Веди, 2022. 140 с.
2. Дегтярев М. В. Эксперимент в развитии Дальнего Востока России // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 3. С. 8–15.
3. Дегтярев М. В. Новейшие регуляторные технологии и инструменты: Регуляторные эксперименты, песочницы, гильотины, экосистемы, платформы / Под ред. И.В. Понкина / Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Буки Веди, 2022. 424 с.
4. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма – Инфра-М, 2011. 800 с.
5. Лазерсон М. Я. Экспериментально-психологический метод и юридический модернизм // *Вестник права и нотариата*. 21.07.1913. № 29. С. 869–875.
6. Понкин И. В. Военная аналитика. Военное применение искусственного интеллекта и цифры / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2022. – 106 с. (Серия: «Методология и онтология исследований»). URL: https://moscou-ecole.ru/ponkin_milit_ai/.
7. Цифровое право: Учебник / Под общ. ред. В. В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
8. Bartsch R. Die Zukunft der Rechtswissenschaft [Будущее юриспруденции] // *Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie* [Архив юридической и экономической философии]. 1912/1913. Band 6. № 1: 117–129.
9. Batalli M. Measurement and evaluation of the public administration performance through delivery of electronic services // *Academicus – International Scientific Journal*. 2015. № 12: 169–179.
10. Cowan T. A. The design of legal experiment // *Journal of Legal Education*. 1954. Vol. 6. № 4: 520–538.
11. Marinense V. Légistique et effectivité // *À la recherche de l'effectivité des droits de l'homme* / Véronique Champeil-Desplats et Danièle Lochak (dir.). Nanterre: Presses universitaires de Paris Nanterre, 2012: 266.
12. Halaskova M., Halaskova R., Prokop V. Evaluation of Efficiency in Selected Areas of Public Services in European Union Countries // *Sustainability*. 2018. Vol. 10: 17 p.

References:

1. Degtyarev M. V. (2022) The future of law. Innovative Public Law Regimes and the Newest (Atypical) Regulatory Technologies: Bibliographic Index / Lomonosov Moscow State Law University. O.E. Kutafin (MSUA). M.: Buki Vedi: 140. (In Russ.)
2. Degtyarev M. V. (2021) An experiment in the development of the Russian Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 3: 8–15. (In Russ.)
3. Degtyarev M. V. (2022) The latest regulatory technologies and tools: Regulatory experiments, sandboxes, guillotines, ecosystems, platforms / Ed. I.V. Ponkina / Moscow State Law University. O.E. Kutafin (MSUA). M.: Buki Vedi: 424. (In Russ.)
4. Maltsev G. V. (2011) *Sotsial'nyye osnovaniya prava* [Social foundations of law]. M.: Norma-Infra-M.: 800.
5. Lazerson M. Ya. (1913) Experimental-psychological method and legal modernism *Vrstnik" prava i notariata* [Bulletin of Law and Notariat]. 07/21. No. 29: 869–875. (In Russ.)
6. Ponkin I. V. (2022) Military Analytics. Military applications of artificial intelligence and numbers / Consortium “Analytics. Right. Number”. M.: Buki Vedi: 106. (Series: “Methodology and ontology of research”). URL: https://moscou-ecole.ru/ponkin_milit_ai/. (In Russ.)

7. Tsifrovoye parvo [Digital Law]: Textbook / Ed. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. M.: Prospekt, 2020: 640. (In Russ.)
8. Bartsch R. (1912/1913) Die Zukunft der Rechtswissenschaft [Будущее юриспруденции] *Arkhirv yuridicheskoy i ekonomicheskoy filosofii* [Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie]. Band 6. № 1: 117–129.
9. Batalli M. (2015) Measurement and evaluation of the public administration performance through delivery of electronic services *Academicus – mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal* [Academicus – International Scientific Journal]. № 12: 169–179.
10. Cowan T. A. (1954) The design of legal experiment *Zhurnal yuridicheskogo obrazovaniya* [Journal of Legal Education]. Vol. 6. № 4: 520–538.
11. Marinese V. (2012) Légistique et effectivité // À la recherche de l'effectivité des droits de l'homme / Véronique Champeil-Desplats et Danièle Lochak (dir.). Nanterre: Presses universitaires de Paris Nanterre: 266.
12. Halaskova M., Halaskova R., Prokop V. (2018) Evaluation of Efficiency in Selected Areas of Public Services in European Union Countries *Ustoychivoye razvitiye* [Sustainability]. Vol. 10: 17.

Статья поступила в редакцию 08.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 26.08.2022.

The article was submitted 08.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 26.08.2022.

Информация об авторе

М. В. Дегтярев – Губернатор Хабаровского края, Председатель Правительства Хабаровского края, кандидат юридических наук, докторант кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Information about the author

M. V. Degtyarev – Governor of the Khabarovsk territory, Chairman of the Government of the Khabarovsk territory Candidate of Jurisprudence, postdoctoral, the chair of administrative law and process, the Kutafin Moscow State Law University